

ІСТОРІЯ
КИЇВСЬКИХ
ДУХОВНИХ ШКІЛ

Ткачук М. А.

«Не постигаю, как я перенес
такие труды...»

(к 200-летию со дня
рождения С. С. Гогоцкого)

В январе нынешнего года исполнилось 200 лет со дня рождения Сильвестра Сильвестровича Гогоцкого (1813–1889), одного из выдающихся деятелей отечественной философии, образования и культуры XIX в., известного киевского ученого, профессора, автора многочисленных научных трудов, в том числе, первых в России философской энциклопедии и философского словаря. Воспитанник, преподаватель и почетный член Киевской духовной академии, один из тех, кто снискал ей авторитет в научном мире и навеки вписал свое имя в ее историю, Гогоцкий, согласимся, заслуживает того, чтобы на страницах академического журнала, в становлении которого он в свое время принимал самое живое участие, вспомнить его «труды и дни».

Сильвестр Гогоцкий родился 5 (17) января 1813 г.¹ в г. Каменце-Подольском в семье священника. Особая роль в его духовном становлении принадлежала отцу, протоиерею Сильвестру Григорьевичу Гогоцкому, воспитаннику и бывшему преподавателю Киево-Могилянской академии, учителю, а впоследствии профессору словесности Подольской духовной семинарии². Обладая большим педагогическим опытом

¹ Далее все даты указаны по старому стилю.

² Сильвестр Григорьевич Гогоцкий (1783–1853), один из лучших воспитанников Шаргородской духовной семинарии, в 1803 г. был командирован в Киево-Могилянскую академию (КМА) для подготовки к педагогической деятельности. В 1806–1808 гг. преподавал в КМА еврейский язык. Получив назначение на должность учителя Подольской духовной семинарии, в 1808 г. переехал в г. Каменец-Подольский. Не прекращая преподавательской деятельности, в 1813 г. был рукоположен во священника каменец-подольского кафедрального Иоанно-Предтеченского собора. В 1818 г. возведен в сан протоиерея брацлавского Успенского собора; с 1821 г. служил ключарем каменец-подольского кафедрального собора. Оставив семинарию (1823), преподавал Закон Божий в Каменец-Подольской гимназии. В 1841–1853 гг. — настоятель каменец-подольского кафедрального Иоанно-Предтеченского собора (см.: С[иниц]кий Д. А. Исторические сведения о Подольской духовной семинарии. Каменец-Подольский, 1866. С. 29, 60; Сецинский Е. И. Исторические сведения о приходах и церквях Подольской епархии. Каменецкий

и многосторонними познаниями (в разные годы Гогоцкому-старшему приходилось преподавать поэтику, риторику, словесность, еврейский и немецкий языки, математику, историю, географию), он лично занимался начальным образованием сына, прививая ему любовь к науке, трудолюбие и привычку к повседневным «ученым занятиям». Развивая рано проявившиеся недюжинные умственные способности сына и упражняя его в риторике, Сильвестр Григорьевич воспитывал его, прежде всего, глубоко верующим православным христианином, однако не забывал озаботиться и о развитии его художественных наклонностей. Благодаря отцу будущий профессор философии привык «отдыхать душой», занимаясь рисованием и игрой на скрипке.

Следует отметить, что начало жизненного пути С. С. Гогоцкого вполне укладывается в рамки биографического канона, характерного для образованных выходцев из «духовного сословия»: учеба в духовном училище, поступление в семинарию, а затем — в духовную академию. Основательная домашняя подготовка позволила ему начать обучение в Подольском духовном училище сразу со второго класса (1821). Следующей ступенью в его образовании было шестилетнее пребывание в стенах Подольской духовной семинарии, студентом которой он стал в 1827 г., с усердием осваивая двухгодичные программы низшего, среднего и высшего классов. В низшем классе тогдашних семинарий преподавались словесность, библейская и общая история, греческий, французский и немецкий языки (кроме двух последних, подольские семинаристы изучали и польский). В среднем классе наряду с «*theologia rationalis*» и «*theologia moralis*», математикой и физикой, французским и немецким языками, главное место принадлежало изучению философии в соответствии с вольфианской схемой (логика, онтология, соматология, пневматология, психология, этика и история философии до Канта включительно)³. Осваивая эти предметы, С. С. Гогоцкий продемонстрировал столь блестящие успехи, что руководство семинарии даже выявило намерение отправить его в академию сразу после окончания среднего класса — преградой оказались рассудительность и непоколебимость Гогоцкого-старшего, считавшего одним из главных условий обучения последовательное прохождение всех его ступеней. Поэтому его сыну всё же пришлось поучиться и в старшем классе семинарии, где он прослушал курсы догматического богословия, Священного Писания, церковной истории, еврейского и греческого языков.

уезд // Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета. Каменец-Подольский, 1895. Вып. 7. С. 33–34).

³ См.: С[иниц]кий Д. А. Исторические сведения о Подольской духовной семинарии. С. 31–40.

Окончив Подольскую семинарию в 1833 г., двадцатилетний Сильвестр Гогоцкий имел уже довольно солидный багаж знаний (прежде всего, богословских и философских), а также основательную языковую подготовку. Блестящий семинарский аттестат позволял ему продолжить учебу в Санкт-Петербургской духовной академии, в которую Подольская семинария направляла в те годы лучших из своих выпускников. Тем не менее, своей привилегией Гогоцкий не воспользовался, «выхлопотав» у Подольской консистории направление в Киевскую духовную академию (КДА)⁴. Официальной причиной его отказа отправиться в Петербург было слабое здоровье, однако не последнюю роль в стремлении учиться именно в Киеве сыграли, видимо, не столько соображения климатического комфорта, сколько возвращенное с юных лет ощущение духовной близости с «родной» для его отца и большей части семинарских преподавателей Киевской академией.

Студенчество Гогоцкого (1833–1837) пришлось на один из самых важных и плодотворных периодов истории Киевской духовной академии, связанный с деятельностью ее ректора в 1831–1839 гг., архимандрита (а затем — епископа Чигиринского, викария Киевской епархии) Иннокентия (Борисова)⁵. Святитель Иннокентий оказался именно той неординарной личностью, которой так не хватало преподавательскому составу КДА со времен ее открытия в 1819 г. Отказ от латыни и устаревших учебников, обновление содержания академических курсов и методики их преподавания, систематическая забота о развитии академической библиотеки и пополнении ее фондов, создание журнала «Воскресное чтение», первого печатного органа КДА — эти и другие важные начинания значительно способствовали не только повышению уровня духовно-академического образования, но и стимулировали развитие богословских и философских исследований в Академии 1830-х гг. Дух реформаторства и творчества, которым отмечена ректорская и преподавательская деятельность архим. Иннокентия в КДА, очень быстро передался его воспитанникам, пробуждая их мысль и слово. В их число в 1833 г. вошел и Гогоцкий.

Годы, проведенные на студенческой скамье в Киевской духовной академии, сыграли чрезвычайно важную роль в формировании мировоззрения С. С. Гогоцкого и особенно способствовали повышению уровня его не только богословского, но и философского образования. Последнему в духовных академиях уделялось особое внимание: философские предметы (история философии, логика, психология, метафизика, нрав-

⁴ См.: Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (далее — ЦГИАК). Ф. 711. Оп. 1. Д. 894. Л. 6–8.

⁵ См. подробнее: Ткачук М. Л. Святитель Иннокентий (Борисов) и его роль в истории Киевской Духовной Академии (к 210-летию со дня рождения) // ТКДА. К., 2010. № 12. С. 207–225.

ственная философия) занимали определяющее место в учебных планах низшего отделения (первые два года обучения), превышая в объеме остальные дисциплины (словесность, историю, математику). Получив необходимую философскую подготовку, в высшем отделении (также двухгодичном) студенты переходили к тщательному изучению богословских дисциплин (Священного Писания, догматического, нравственного, обличительного, собеседовательного богословия, герменевтики, церковной истории, археологии, географии, словесности, законоведения). На протяжении всего академического курса продолжалось углубленное изучение языков — греческого, латыни, еврейского, немецкого и французского (в КДА в 1825–1844 гг., с учетом специфики полонизированного «юго-западного края» империи, этот перечень дополняли и польский), значение которых для профессиональной философской и богословской подготовки трудно переоценить.

Важно отметить, что студенческие годы Гогоцкого пришлись на период кардинальной перестройки преподавания философии в Киевской духовной академии, касающейся как его содержательного, так и методического аспекта. С приходом Иннокентия (Борисова), увлеченного новейшим немецким идеализмом, философское образование в КДА, до начала 1830-х гг. ограничивавшееся составленными еще в середине XVIII в. и давно устаревшими латиноязычными вольфианскими учебниками, уже к середине 1830-х гг. достигает качественно нового уровня и приобщается, наконец, к актуальным процессам, происходящим в европейской философии.

Вопреки расхожему ошибочному утверждению, связывающему философское становление Гогоцкого-студента с именем Петра Семеновича Авсенева (впоследствии — архимандрита Феофана, закончившего свой земной путь в должности настоятеля посольской церкви в Риме)⁶, своим «философским вышолом» он обязан другим наставникам — профессору Ивану Михайловичу Скворцову, а также его младшим коллегам, воспитанникам Киевской духовной академии Оресту Марковичу Новицкому и Иосифу Григорьевичу Михневичу.

Доктор богословия протоиерей И. М. Скворцов (1795–1863), преподававший курсу Гогоцкого логику, метафизику и нравственную философию, несмотря на свой довольно молодой возраст, принадлежал к числу наиболее активных и авторитетных профессоров КДА 1830-х гг. Оказавшийся на философской кафедре КДА (с первых ее дней) скорее во-

⁶ Гогоцкий действительно был студентом Авсенева, но совершенствовал под его руководством немецкий язык, а не философию, преподавать которую тот начал лишь в марте 1836 г., т. е. тогда, когда Гогоцкий был уже студентом высшего отделения и давно закончил философский курс. Лишь эпизодически могло быть и знакомство студента С. Гогоцкого, начавшего обучение в конце сентября 1833 г., с лекциями Василия Николаевича Карпова, переведенного в Санкт-Петербургскую духовную академию в середине октября 1833 г.

лею судеб, чем по призванию, И. М. Скворцов не отличался особым философским дарованием и испытывал интерес не столько к философии, сколько к каноническому праву и истории Церкви (его книги в этих областях богословских наук пользовались популярностью — некоторые из них выдержали до шести прижизненных изданий). Философские лекции Скворцова, воспроизводившие вольфианские компендиумы Ф. Х. Баумейстера, И. Я. Бруккера и Й. Г. Винклера, не отличались, судя по воспоминаниям слушателей⁷, ни глубиной содержания, ни вдохновенностью изложения. Тем не менее, методизм, педантичность и требовательность почтенного профессора, его привычка «поверять» истины философии истинами Откровения исподволь влияли на студенческую аудиторию, приучая ее к логическому и последовательному рассуждению и изложению, критическому анализу философских учений, систематической самостоятельной работе над семестровыми сочинениями. Как свидетельствуют труды С. С. Гогоцкого и других киевских философов его поколения, такой академический «вышкол» не прошел для них бесследно. Кроме того, под влиянием Иннокентия (Борисова) Скворцов одним из первых среди профессоров КДА перешел на русский язык преподавания (1831) и в начале 1830-х гг. обновил содержание своих лекций, переориентировавшись на «Руководство по философии» немецкого канонианца В. Т. Круга.

Что же касается О. М. Новицкого (1806–1884) и И. Г. Михневича (1809–1885), у которых Гогоцкий слушал курсы истории древней и новой философии, то оба эти преподавателя только начинали свой путь на кафедре⁸. Вчерашние выпускники (Новицкий окончил КДА в 1831 г., Михневич — в 1833 г.), они олицетворяли новое поколение философов КДА, проникнутых глубоким интересом к предмету, основательно знакомых с первоисточниками и новейшей профессиональной литературой и глубоко убежденных в значимости философского познания. К этому поколению «достоинейших деятелей науки, приобретших себе имя своими сочинениями», современники относили и Сильвестра Гогоцкого⁹, оставившего заметный след в истории духовно-академической и университетской философии России XIX в.

⁷ См.: Поспехов Д. И. Предисловие // Записки по нравственной философии протоиерея Иоанна Скворцова // Сборник из лекций бывших профессоров Киевской духовной академии, архимандрита Иннокентия, протоиерея И. М. Скворцова, П. С. Авсенева (архимандрита Феофана) и Я. К. Амфитеатрова, изданных академиею по случаю пятидесятилетнего юбилея (1819–1869) ея. К., 1869. С. II.

⁸ О. М. Новицкий был назначен на должность бакалавра философских наук в марте 1834 г. Несколько ранее (в октябре 1833 г.) должность бакалавра философских наук занял И. Г. Михневич.

⁹ См.: Макарий (Булгаков), еп. Биографическая записка о преосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом // Ученые записки второго отделения императорской Академии Наук. Кн. 5. СПб., 1859. С. XLIII.

Однако путь Гогоцкого к философской кафедре оказался не таким коротким, как у его наставников, несмотря на выдающиеся достижения в учебе и успешно защищенную курсовую работу, впоследствии выдержавшую несколько изданий¹⁰. Как один из лучших студентов своего выпуска, он, конечно же, был оставлен в Академии на вакантную преподавательскую должность, однако, в силу «производственной необходимости», вынужден был начать свою академическую карьеру с преподавания польского языка в должности учителя (с 1 сентября 1837 г.). Первое повышение по службе — должность бакалавра — состоялось уже через несколько месяцев, после того, как 15 декабря 1837 г. Комиссия духовных училищ утвердила его в степени магистра богословия и словесных наук. Однако в ожидании возможности преподавать любимый предмет, философию, прошло пять лет. За это время к польскому языку успел добавиться немецкий (с апреля 1839 г.); несколько позже (с октября 1839 г.) остался только немецкий — его преподаванием С. С. Гогоцкий занимался до 1 февраля 1844 г., даже после того, как был, наконец, назначен на должность бакалавра философских наук (с 5 октября 1842 г.)¹¹. За полгода до этого долгожданного события (21 апреля 1842 г.) он, когда-то помышлявший о принятии сана, вышел («по прошению») из духовного звания¹² и начал свой нелегкий путь к университетской кафедре.

С формальной стороны, обстоятельства, побудившие Гогоцкого к этому шагу, носили «житейский» характер: мизерное жалованье, получаемое в те годы преподавателями Духовной академии, и необходимость содержать семью, в которой только что появился первенец¹³, вынуждали его искать более достойных средств к существованию, которые обеспечивали университеты. Однако не последнюю роль сыграли, по-видимому, и присущие последним большая степень научной свободы и философского творчества, отсутствие дополнительных регламентаций, порождаемых спецификой конфессионального учебного заведения, более широкие возможности и перспективы для профессионального развития. Наглядным примером для С. С. Гогоцкого в этом смысле служили его же наставники: О. М. Новицкий перешел в Универ-

¹⁰ См.: Гогоцкий С. С. Критическое обозрение учения римской церкви о видимой главе церкви. К., 1841 (2-е изд. К., 1865; 3-е изд. К., 1868).

¹¹ ЦГИАК. Ф. 707. Оп. 33. Д. 322. Л. 77–78.

¹² Там же. Л. 76 об.

¹³ В браке Сильвестра Сильвестровича и Евдокии (Авдотьи) Ивановны Гогоцких родилось шестеро детей: две дочери — Любовь (1842 г. р.) и Екатерина (1852 г. р.), и четверо сыновей — Николай (1848 г. р.), Сергей (1858 г. р.), Борис (1861 г. р.), Игорь (1867 г. р.). Супруга Гогоцкого Е. И. Гогоцкая (1824–1888), дочь киевского купца и городского головы И. И. Ходунова, в 1850–1880-х гг. была известной общественной деятельницей Киева, одним из первых организаторов воскресных школ, учредительницей киевских женских ремесленной и рукодельной школ, издательницей газеты «Киевский телеграф» (1874–1876). Систематически занимаясь благотворительностью, особую заботу проявляла о неимущих студентах и детях из бедных семей.

ситет св. Владимира еще в 1834 г., став его первым профессором философии; И. М. Скворцов, не оставляя службы в КДА, с того же года занял там кафедру богословия; службу в Академии с преподаванием ряда философских дисциплин в должности адъюнкта (доцента) университета совмещал с 1838 г. П. С. Авсенеv; в 1839 г. профессором кафедры философии в Ришельевском лицее, преобразованном впоследствии в Новороссийский (Одесский) университет, стал И. Г. Михневич.

Непосредственным поводом, побудившим С. С. Гогоцкого попробовать свои силы на университетском поприще, стало предложение, полученное от О. М. Новицкого, бывшего в начале 1840-х гг. не только ординарным профессором кафедры философии, но и деканом Первого (гуманитарного) отделения философского факультета, взять на себя чтение курса эстетики, отнесенной к кафедре словесности. Однако, как выяснилось, только лишь одного согласия Гогоцкого и лестных рекомендаций его наставников, оказалось недостаточно: специальный устав, введенный для Университета св. Владимира в 1842 г. и новое Положение о присуждении ученых степеней, вступившее в силу в апреле 1844 г., значительно усложняли и бюрократизировали процедуру замещения университетских вакансий воспитанниками духовных академий. В соответствии с Положением, претендовать на профессорскую должность в университете можно было только при наличии соответствующей докторской степени — в случае Гогоцкого, степени доктора философии и древней филологии. Получение докторской степени предполагало наличие у соискателя степени магистра философии, присуждаемой только кандидатам философского факультета. Таким образом, перед магистром богословия оказывалась задача не из легких — получить все три ученые степени, присуждавшиеся в университетах.

Не останавливаясь перед трудностями, Гогоцкий начинает долговременную «эпopeю», связанную с получением указанных степеней. В мае 1845 г. он обращается в Правление Академии с прошением о разрешении сдать дополнительные экзамены в Университете св. Владимира, необходимые для получения степени магистра философии¹⁴. Успешно преодолев испытания по славянским наречиям, политэкономии и статистике, в июле 1845 г. он удостоивается степени кандидата Первого отделения философского факультета (утверждена Министерством народного просвещения в августе того же года)¹⁵.

Довольно легко преодолев первый «барьер», Гогоцкий надеялся, что процедура получения следующей, магистерской степени ограничится для него лишь защитой соответствующей диссертации и не потребует общепринятой для университетских магистрантов сдачи экзаменов

¹⁴ См.: ЦГИАК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 2357. Л. 1–2.

¹⁵ См.: там же. Ф. 707. Оп. 11. Д. 226. Л. 1–3 об.

по философским дисциплинам. По отношению к Гогоцкому, прослушавшему в студенческие годы в КДА значительные по объему и числу философские курсы и проявившему во время соответствующих устных и письменных экзаменов, в т. ч. итоговых, отличные знания, заверенные аттестатом, и, к тому же, уже несколько лет преподававшему «философские науки», необходимость повторных испытаний выглядела курьезом. Понимая это, университетский Совет, как свидетельствуют архивные документы, был готов ограничиться процедурой защиты. Однако нарушить букву «общих правил» не позволило руководство учебного округа¹⁶. Таким образом, для получения степени магистра философии С. С. Гогоцкому пришлось выдержать устные и письменные экзамены по психологии, логике и теории познания, метафизике, нравственной философии, философии права и истории философии, а также подготовить магистерскую диссертацию («О характере философии средних веков»¹⁷), защита которой состоялась 1 марта 1847¹⁸.

Магистерское сочинение Гогоцкого, несмотря на всю его обобщающий характер и лапидарность, отличалось среди историко-философских работ, вышедших в России к концу 1840-х гг., не только самостоятельностью и последовательностью изложения. Один из самых проницательных историков русской философии Г. Г. Шпет недаром отмечал у него «новый тон и новый способ держать философскую речь»¹⁹. В нашем понимании, эта новизна проявляется, прежде всего, в наличии достаточно продуманного методологического подхода к историко-философскому исследованию, а также в осознанном и последовательном соблюдении принципа историзма в его осуществлении. В то же время новаторской следует признать и саму попытку Гогоцкого представить общую схему развития средневековой философии, долгое время остававшуюся едва ли не единственной в российской историко-философской литературе XIX в., не богатой исследованиями в области медиевистики.

Став после утверждения в Министерстве народного просвещения (31 декабря 1847 г.)²⁰ полноправным магистром философии, С. С. Гогоцкий получает, наконец, возможность преподавать в университете, правда, пока лишь в должности доцента и после обнародования «рассуждения pro venia legendi» (им стал известный «Критический обзор философии Канта»²¹, в котором упомянутый выше Г. Г. Шпет справедливо нахо-

¹⁶ См.: ЦГИАК. Ф. 707. Оп. 11. Д. 226. Л. 4–5.

¹⁷ Опубликована в 1849 г. См.: Гогоцкий С. С. О характере философии средних веков // Современник. 1849. № 6. С. 65–96.

¹⁸ См.: ЦГИАК. Ф. 707. Оп. 13. Д. 1036. Л. 1–7.

¹⁹ Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. М., 1989. С. 219.

²⁰ См.: там же. Оп. 33. Д. 322. Л. 79 об. — 80.

²¹ См.: Гогоцкий С. С. Критический взгляд на философию Канта. Рассуждение, написанное магистром философии Сильвестром Гоготским, для получения звания доцента философии в имп. Университете Св. Владимира. К., 1847.

дил убедительное свидетельство успехов, сделанных киевской духовно-академической философией в течение каких-нибудь десяти лет, и один из первых отечественных образцов подлинно философской критики²²). 12 февраля 1848 г. Гогоцкий впервые становится на университетскую кафедру, где читает историю философии Нового времени и «нравоучительную философию»²³. При этом основным местом его службы оставалась Киевская духовная академия, в которой главным предметом его преподавания с 1842 г. была история философии — древней и новой. Спустя несколько дней после университетского назначения (16 февраля 1848 г.) его утверждают в должности экстраординарного профессора по классу философских наук КДА и в статусе члена академической Конференции²⁴.

Не останавливаясь на достигнутом, следующие два года С. Гогоцкий посвящает работе над докторской диссертацией «Диалектическая система Гегеля, ее достоинства и недостатки»²⁵ (первой в России диссертационной работой, посвященной философии великого немецкого мыслителя), защите которой предшествовали очередные испытания. В этот раз ему пришлось сдавать письменные и устные экзамены не только по философским наукам, но и древней филологии, включавшей такие предметы, как история греческой и римской литературы, греческие и римские древности, греческие и римские поэты и прозаики, история древней филологии. Какие титанические усилия, нужно было приложить С. Гогоцкому, чтобы подготовиться и сдать эти предметы, ярко характеризует одна деталь — все «филологические экзамены» сдавались на латыни (!), к тому же, таким строгим экзаменаторам, как Иван Яковлевич Нейкирх и Александр Карлович Делен — выдающимся специалистами в области классической филологии. Кроме того, Гогоцкому пришлось выполнить и еще одну работу, обязательную для соискателя докторской степени по философии, — помимо текста диссертации по философии подготовить тезисы по древней филологии (на латинском языке). К чести духовно-академического профессора, он успешно выдержал все испытания, проявив превосходное знание не только предметов, но и латинского языка. Университетские коллеги, по достоинству оценив высокий уровень его профессиональной подготовки, высокую эрудицию, трудолюбие, настойчивость, присудили ему степень доктора философии и древней филологии. 20 декабря 1850 г. это решение было утверждено Министерством народного просвещения²⁶.

²² См.: Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. С. 215–217.

²³ См.: ЦГИАК. Ф. 707. Оп. 33. Д. 322. Л. 79 об. — 80.

²⁴ См.: там же.

²⁵ Опубликована под названием «Обозрение системы философии Гегеля» (К., 1860).

²⁶ См.: ЦГИАК. Ф. 707. Оп. 33. Д. 322. Л. 81–82 об.

Несмотря на то, что несколькими месяцами ранее (16 октября 1850 г.) Св. Синод утвердил С. С. Гогоцкого в должности ординарного профессора КДА по классу философских наук²⁷, он не изменил своего решения оставить службу в Академии. На него не повлияло даже то, что к этому времени российские университеты, как оказалось, больше не нуждались в философском образовании и квалифицированных преподавателях философии. Напуганные западноевропейскими революциями конца 1840-х гг., «просвещенные» чиновники еще в начале 1850 г. всерьез задумались над вопросом о «полезности» преподавания философии в университетах и мерах, способных обезопасить студентов от «мудрствований» новейших философских систем. Следствием этих «раздумий» стала докладная записка кн. П. А. Ширинского-Шихматова (министра просвещения в 1850–1853 гг.) «Об ограничении преподавания философии логикой и психологией и возложении чтения этих предметов на профессоров богословия», а также печально известный императорский указ от 22 июня 1850 г., в соответствии с которым в российских университетах отменялось преподавание философии светскими профессорами. Кафедры философии подлежали закрытию, а их профессора — увольнению. Философские предметы ограничивались логикой и опытной психологией, признанными наименее вредными для незрелых умов. Их чтение — по программе, утвержденной не только Министерством народного просвещения, но и Св. Синодом, — поручалось профессорам богословия. В истории университетской философии в России наступало «бесславное десятилетие»...

Что же касается С. С. Гогоцкого, то его восьмилетнее «восхождение» на должность университетского профессора философии, исполненное изнурительных трудов и, в сущности, унижительных «испытаний», не принесло желаемого результата: уволившись из Академии и перейдя в ведение Министерства народного просвещения, он вынужден был довольствоваться должностью цензора Киевского цензурного комитета, в которую вступил 15 января 1851 г.²⁸ К счастью для С. С. Гогоцкого, вынужденный перерыв в его преподавательской деятельности оказался кратковременным. Как свидетельствуют архивные документы²⁹, еще в ноябре 1850 г. Министерство народного просвещения, с согласия императора, приняло решение открыть в университетах кафедры «педагогии», сделав этот предмет обязательным для студентов историко-филологического, физико-математического и юридического факультетов. Что касается Университета св. Владимира, то в глазах его руководства лучшего специалиста, который был бы «по роду своих ученых занятий

²⁷ См.: там же. Л. 81 об. — 82.

²⁸ См.: ЦГИАК. Ф. 707. Оп. 33. Д. 322. Л. 82 об. — 83.

²⁹ См.: там же. Оп. 16. Д. 612. 22 лл.

и по отличным познаниям в предметах, нужных для успешного изложения этой науки, совершенно способен к занятию сказанной кафедры в звании ординарного профессора», чем С. С. Гогоцкий, трудно было бы найти³⁰. Уже 6 апреля 1851 г. он был переведен на только что созданную кафедру «педагогии»³¹. Так началась его многолетняя профессорско-преподавательская деятельность в Университете св. Владимира.

1850-е гг. оказались чрезвычайно насыщенным периодом в творчестве С. С. Гогоцкого. Поскольку значительную часть его времени занимала преподавательская деятельность, связанная с разработкой и чтением университетского курса педагогики (в 1854–1860 гг. педагогику и дидактику он читал и в частном женском училище (пансионе) графини Е. В. Левашовой)³², вполне естественно, что педагогическая проблематика, как свидетельствуют многочисленные публикации³³, становится одним из приоритетных направлений его научных исследований. Тем не менее, профессор не оставляет и занятий философией. В году «философского безвременья» он начинает колоссальную работу над своим «Философским лексиконом», не прекращавшуюся на протяжении почти двадцати лет³⁴. Уникальность этого «проекта», ставшего первым в Российской империи специализированным энциклопедическим изданием по философии, трудно переоценить — особенно, если принять во внимание, что монументальный труд общим объемом почти три тысячи страниц и содержащий 1193 статьи, размещенные в пяти томах, принадлежит перу одного автора.

Между тем, к концу 1850-х гг. бесперспективность и вред дальнейшего «репрессирования» университетской философии становились всё более очевидными даже для бывших его сторонников. Профессора богословия буквально изнемогали под бременем дополнительных и хлопотных курсов логики и психологии, конспекты которых приходилось ежегодно направлять на рассмотрение Св. Синода. В то же время, в основном религиозно индифферентная университетская молодежь, не воспринимавшая конфессионально преломленных логики и психологии, «лишилась руководства среди тех блужданий мысли, которые, по неизбежному психическому закону, постигают возраст юности; она или сама искала пути в потемках, не всегда находя счастливый выход, или отдалась

³⁰ См.: там же. Л. 5.

³¹ См.: ЦГИАК. Ф. 707. Оп. 33. Д. 322. Л. 82 об., 83 об.

³² Кроме того, в 1857–1861 гг. С. С. Гогоцкий преподавал историю в Киевском Владимирском кадетском корпусе (см.: ЦГИАК. Ф. 707. Оп. 33. Д. 322. Л. 83 об. — 87).

³³ См. его: Об историческом развитии воспитания у примечательнейших народов древнего мира. К., 1853; Введение в педагогику. СПб., 1855; О развитии чувствительных способностей в педагогическом отношении. СПб., 1855; О развитии познавательных способностей в педагогическом отношении. СПб., 1857.

³⁴ См. его: Филос. лексикон: в IV т. (5 кн.). К., 1857. Т. 1. (2-е изд.: СПб., 1859); К., 1861. Т. 2; К., 1866. Т. 3; К., 1872. Т. 4. Вып. 1; К., 1873. Т. 4. Вып. 2.

под руководство псевдомыслителей, заманивавших к себе плоской ясностью своих воззрений»³⁵. В конечном счете, правительственный «эксперимент» с изгнанием университетской философии обернулся засильем «здоровых материалистов», нигилистов и утилитаристов, объявивших «хламом» поэзию, живопись, музыку и «обожеествивших» сапоги и сапожника...

В сложившихся условиях не оставалось иного выхода, как отказаться от продолжения неудачного эксперимента: 22 февраля 1860 г. имп. Александр II подписал указ о восстановлении в университетах философских кафедр. В их лоно возвращались курсы логики и психологии; восстанавливалось преподавание истории древней и новой философии. Иное дело, что на практике реализовать новый императорский рескрипт оказалось непростой задачей: для нормального функционирования «реанимированных» кафедр философии катастрофически не хватало тех самых квалифицированных кадров, от которых избавились в одночасье в 1850 г.

В Университете Св. Владимира проблема решилась исключительно благодаря доброй воле и невероятной работоспособности С. С. Гогоцкого, согласившегося совмещать, причем безвозмездно, преподавание философских дисциплин (наконец осуществилась его давняя мечта!) и педагогики³⁶. Можно лишь попытаться представить, насколько увеличилась лекционная нагрузка профессора с начала 1860-х гг. Неудивительно, что избранный летом 1862 г. деканом историко-филологического факультета на четырехлетний срок³⁷, уже спустя год (осенью 1863 г.) он отказался от этой должности³⁸. Остается только удивляться, как профессор находил время для научного творчества. Он по-прежнему продолжал издавать многостраничные тома «Философского лексикона» и не утрачивал интереса к педагогической проблематике. Новым стимулом для педагогических исследований С. С. Гогоцкого послужила трехмесячная научная командировка в июле — октябре 1861 г.³⁹, позволившая ему побывать в Берлине, Дрездене, Кракове, Лемберге (Львове) и глубже познакомиться с европейской системой высшего и среднего образования, а также пообщаться с немецким педагогом Ф.-В.-А. Дистервегом, философом-гегельянцем К. Л. Мишле (Михелетом) и другими известными учеными.

Осенью 1867 г. завершился тридцатилетний срок преподавательской деятельности С. С. Гогоцкого, что требовало, в соответствии с законодательством, его отставки и перехода в статус пенсионера. Тем не менее,

³⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. История императорского Университета св. Владимира в царствование императора Николая Павловича. К., 1884. С. 553.

³⁶ См.: ЦГИАК. Ф. 707. Оп. 25. Д. 208. 47 лл.

³⁷ См.: ЦГИАК. Ф. 707. Оп. 28. Д. 213. 5 лл.

³⁸ См.: ЦГИАК. Ф. 707. Оп. 33. Д. 322. Л. 89 об. — 90.

³⁹ См.: ЦГИАК. Ф. 707. Оп. 33. Д. 322. Л. 86 об. — 87.

по причине хронической нехватки квалифицированных философских кадров профессора дореволюционных университетов и духовных академий работали, как правило, чуть ли не до последних дней или, по крайней мере, до тех пор, пока позволяло здоровье. Так было и с Гогоцким. Формально выйдя в отставку в конце ноября 1867 г., он фактически не прекращал преподавательской деятельности, работая по найму, поскольку найти ему замену было очень непростым делом. Не удивительно, что, в соответствии с приказом министра народного просвещения, с 11 января 1869 г. С. С. Гогоцкий возобновил свой официальный статус университетского ординарного профессора философии, сохраняя его и в последующие пятнадцать лет⁴⁰. Обращаясь 30 декабря 1884 г. с ходатайством к министру народного просвещения об очередном пятилетнем продлении службы заслуженного ординарного профессора С. С. Гогоцкого, тогдашний попечитель Киевского учебного округа отмечал: «В настоящее время русских ученых, обладающих основательными познаниями в философии и строго научными методами исследования, почти нет, так что если бы г. Гогоцкий оставил занимаемую им кафедру, то весьма трудно было бы найти достойного ему преемника. Сверх того, историко-филологический факультет Университета Св. Владимира состоит наполовину из доцентов, не имеющих высших ученых степеней, а потом, оставление на дальнейший срок службы проф. Гогоцкого, знакомого с высшими задачами и преданиями Университета, крепкого опытом многолетней жизни и мысли, особенно дорого и важно для устройства и доброго правления сего факультета в будущем»⁴¹. В самом деле, преподавательской и научной активности С. С. Гогоцкого в 1870-е гг. могли бы позавидовать и молодые коллеги. Помимо обязанностей, связанных с чтением философских и педагогических курсов, он активно участвовал в развитии образования в Киеве той поры. После смерти своего коллеги профессора-филолога А. И. Селина (1877), именно Гогоцкий, принципиально отстаивавший право женщин на высшее образование⁴², довел до конца давно назревшее дело открытия в Киеве Высших женских курсов (1878). Основатель и директор курсов, председатель педагогического совета, он преподавал здесь педагогику и психологию.

1870-е — начало 1880-х гг. оказались особенно плодотворными и в научной деятельности С. С. Гогоцкого. В 1873 г. он завершил издание «Философского лексикона», а в 1876 г. вышел его «Философский словарь»⁴³, представлявший собой первый отечественный опыт система-

⁴⁰ См. там же. Л. 92 об. — 97; Ф. 707. Оп. 49. Д. 82.

⁴¹ См.: ЦГИАК. Ф. 707. Оп. 49. Д. 82. Л. 23.

⁴² См. его: О высшем образовании в применении к женщине. К., 1878.

⁴³ См. его: Философский словарь или краткое объяснение философских и других научных выражений, встречающихся в истории философии. К., 1876.

тизации философской терминологии. Историко-философское наследие киевского профессора пополнили монография «Введение в историю философии» (К., 1872), обобщившая его многолетние размышления о предмете, методах и задачах истории философии и ставшая первым в Российской империи специальным исследованием теоретических и методологических проблем историко-философской науки, а также издание лекционного курса по новоевропейской философии (1878–1884)⁴⁴. Увидели свет и новые педагогические произведения Гогоцкого, в том числе — курс лекций по педагогике⁴⁵. В начале 1880-х гг. был опубликован и его университетский курс психологии⁴⁶. Вспоминая прошлое на склоне лет, неутомимый труженик науки имел все основания «подытожить» свою деятельность весьма красноречивым признанием: «не постигаю, как я перенес такие труды»⁴⁷...

Проведя за университетской кафедрой почти сорок лет (свое педагогическое и научное служение профессор завершил в 1886 г. — неизлечимое расстройство нервной системы и потеря зрения лишили его возможности продолжать преподавание), внося весомый вклад в развитие университетской философии, педагогики и психологии в России XIX в., всю свою жизнь С. С. Гогоцкий сохранял «духовно-академическую закваску» и, говоря его словами, верность «святым началам образования», полученного в духовной школе⁴⁸. Будучи глубоко верующим православным христианином, олицетворяя в киевской университетской среде 1850-х — 1880-х гг., проникнутой религиозным скептицизмом и нигилистическими настроениями, тип светского религиозного философа, чье мировоззрение сложилось в результате переосмысления философии немецкого идеализма через призму религиозно-православного духовного опыта и традиции, он оставался для нее во многом чужим (чему спо-

⁴⁴ См. его: Философия XVII и XVIII веков в сравнении с философией XIX в. и отношение той и другой к образованию: в 3-х вып. К., 1878. Вып. 1; К., 1883. Вып. 2; К., 1884. Вып. 3.

⁴⁵ См. его: Карамзин как моралист и историк. К., 1870; О различии между воспитанием и образованием в древние и новые времена. К., 1874; Краткое обозрение педагогики или науки воспитательного образования. К., 1879 (изд. 2-е, доп. — К., 1882). О педагогическом наследии С. С. Гогоцкого см.: Кузьміна С. А. Філософія, культура, освіта в історико-філософському дискурсі С. С. Гогоцького // Національний університет «Києво-Могилянська академія». Наукові записки. Т. 21. Філософія та релігієзнавство. К., 2003. С. 60–65; Ее же. Сильвестр Гогоцкий — terra sua української філософії освіти // Практична філософія. 2004. № 1 (11). С. 150–155; Ее же. Філософія освіти та виховання в київській академічній традиції XIX — початку XX ст. Сімферополь, 2010. С. 187–194, 253–255 и др.; Нестреляй А. М. Педагогічні погляди та викладацька діяльність С. С. Гогоцького у вищих навчальних закладах України (1837–1886 рр.). Автореф. дис. на здобуття наук. ступ. канд. пед. наук. К., 2009; Колпачев В. В. Забытая страница в отечественной истории педагогики // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2009. № 4 (16). С. 140–151 и др.

⁴⁶ См. его: Программа психологии: в 2-х вып. К., 1880–1881.

⁴⁷ См.: Флоринский Н. И., прот. Сильвестр Сильвестрович Гогоцкий. Харьков, 1889. С. 13.

⁴⁸ См.: Извлечение из протоколов Совета Киевской Духовной Академии за 1887–1888 учебный год. К., 1888. С. 46.

собствовали, судя по ряду воспоминаний⁴⁹, и некоторые личностные его особенности). В глазах «прогрессивных» философов-материалистов, задававших тон в интеллектуальной периодике 1860-х — 1880-х гг., творчество киевского профессора выглядело «анахронизмом», «дряхлым явлением», «схоластикой XIX века»⁵⁰, «крайним мистицизмом, не заключающим в себе ничего философского», чем-то «чрезвычайно странным, совершенной аномалией мысли»⁵¹. Не удивительно, что духовно близкий Гогоцкому круг общения составляли, преимущественно, коллеги по Киевской духовной академии и учившиеся у него академические воспитанники, относившиеся к нему с неизменным уважением и теплотой⁵². Всегда интересуюсь академическими делами, он принимал активное участие в важных издательских начинаниях профессорской корпорации — в частности, был одним из авторов первых, «программных», номеров журнала «Труды Киевской духовной академии»⁵³; в 1840-х гг. опубликовал около десятка назидательных статей в журнале «Воскресное чтение»⁵⁴. Отдавая должное «многолетней плодотворной учебной и ученой деятельности» С. С. Гогоцкого, 20 июля 1887 г. академический Совет единодушно избрал его почетным членом Киевской духовной академии⁵⁵, а ее «Труды» ознаменовали 50-летие преподавательского и научного служения профессора юбилейной статьей⁵⁶.

Весьма примечательно, что на склоне жизни С. С. Гогоцкий особенно увлекался творениями христианских подвижников (в частности, свт. Феофана Затворника⁵⁷) и, уйдя на покой, готовил к изданию свое последнее — богословское — произведение, в котором возвращался к те-

⁴⁹ См., например: Хижняков В. М. Воспоминания земского деятеля. Пг., 1916. С. 45; Щербина В. І. Спомини колишнього студента про Київський університет 70-х років // 3 іменем Святого Володимира: у 2-х кн. Кн. 1. К., 1994. С. 270; Багалій Д. І. Из автобіографії // Там же. С. 281.

⁵⁰ См.: Писарев Д. И. Схоластика XIX века // Писарев Д. И. Сочинения: в 4-х тт. Т. 1. М., 1955. С. 124–125.

⁵¹ См.: Антонович М. А. Два типа современных философов // Современник. 1861. Т. 86. С. 349, 351.

⁵² См.: Флоринский Н. И., прот. Сильвестр Сильвестрович Гогоцкий. Харьков, 1889. 20 с.

⁵³ См. его: Два слова о прогрессе // ТКДА. 1860. № 1. С. 119–136; Современность // Там же. 1860. № 2. С. 47–73.

⁵⁴ См. их перечень: Поспехов Д. В. Пятидесятилетие ученой деятельности бывшего профессора Киевской духовной академии С. С. Гогоцкого // ТКДА. 1887. № 12. С. 665.

⁵⁵ См.: Извлечение из протоколов Совета Киевской Духовной Академии за 1886–1887 учебный год. К., 1887. С. 262. Решение академического Совета об избрании С. С. Гогоцкого почетным членом КДА было утверждено Св. Синодом указом от 24 сентября 1887 г. (см.: Извлечение из протоколов Совета Киевской Духовной Академии за 1887–1888 учебный год. К., 1888. С. 45).

⁵⁶ См.: Поспехов Д. В. Пятидесятилетие ученой деятельности бывшего профессора Киевской духовной академии С. С. Гогоцкого // ТКДА. 1887. № 12. С. 655–665.

⁵⁷ Свт. Феофан Затворник (в миру — Георгий Васильевич Говоров) учился в КДА в 1837–1841 гг., т. е. в тот период, когда Гогоцкий начал преподавать там польский и немецкий языки.

матике студенческого курсового сочинения⁵⁸. Однако внезапная смерть прервала осуществление этого замысла.

С. С. Гогоцкий окончил свой земной путь 29 июня (11 июля) 1889 г. в с. Некрашах (ныне — Черняховского района Житомирской обл.), где в последние годы жизни проводил с семьей летний период, и был похоронен в Киево-Выдубицком монастыре у северной стены Михайловского храма. В годы «воинствующего атеизма» его могила, как и большинство захоронений Выдубицкого некрополя, была уничтожена, а труды преданы забвению.

Возвращенное в последних два десятилетия в историю отечественной философии, имя С. С. Гогоцкого сегодня занимает достойное место среди имен выдающихся духовно-академических и университетских деятелей XIX в. И есть все основания надеяться, что его биография и многогранное творческое наследие будут изучены в полной мере.

⁵⁸ 28 апреля 1889 г., за два месяца до смерти, С. С. Гогоцкий писал профессору КДА Ивану Николаевичу Королькову: «Монография моя “об историческом происхождении папства...” уже готова и почти вся переписана набело; завтра или в воскресенье я мог бы ее и препроводить; но не найдете ли возможности как-нибудь уведомить меня, согласится ли Преосвященный ректор прочитать ее? Прибавлю, что вся монография написана в строго православном духе, почерк крупный, разборчивый. Очень рад был бы, если бы по местам сделаны были маленькие исправления. При одном диктовании крайне трудно соблюсти стройность и развития, и изложения. О напечатании теперь еще ничего не говорю, так как оно зависит от меня только отчасти» (Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. 162. № 383. Л. 1–1 об.).